

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-333-338

**Рецензия на книгу: Война, политика, память:
Наполеоновские войны и Первая мировая война
в пространстве юбилеев / под ред.
О.С. Поршневой (отв. ред.), Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова.
М.: Политическая энциклопедия, 2020**

С.В. Кондратьев*, Т.Н. Кондратьева

Тюменский государственный университет,
625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6
*skondratiev@utmn.ru

История статьи: Поступила в редакцию: 08.11.2020. Принята к публикации : 24.03.2021

Для цитирования: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Рецензия на книгу: Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О.С. Поршневой (отв. ред.), Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия, 2020 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 333–338. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-333-338

**Book Review: War, politics, memory:
The Napoleonic Wars and the First World War in the space
of Anniversaries. Ed. by O.S. Porshneva (chief editor),
N.N. Baranov, V.N. Zemtsov.
M.: Politicheskaya enciklopediya, 2020**

S.V. Kondratiev*, T.N. Kondratieva

Tyumen State University,
Volodarsky str., 6, Tyumen, Russia, 625003
*Corresponding author: skondratiev@utmn.ru

Article history: Received: 08.11.2020. Accepted: 24.03.2021

For citation: Kondratiev SV, Kondratieva TN. Book Review: War, politics, memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the space of Anniversaries. Ed. by O.S. Porshneva (chief editor), N.N. Baranov, V.N. Zemtsov. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2020. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):333–338. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-333-338

© Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Время – вещь необычайно длинная, – были времена – прошли былин-ные. Ни былин, ни эпосов, ни эпопей», провозгласил когда-то Владимир Маяковский, и предложил припасть к «реке по имени факт». Увы, романтические надежды позитивистов XIX в. описать историю такой, какой она была, остались мечтой. Содержимое реки по имени «факт» по-разному интерпретируется и обретает различные смыслы. Вчерашние хрестоматийные герои и события, «места памяти», как только их перестают тиражировать в средствах массовой коммуникации и на уроках истории, быстро вытесняются и перестают храниться Мнемосиной. История, как показывают, авторы рецензируемой книги, коллектив которой составили в основном признанные и молодые историки Екатеринбурга, не остается неизменной. На историю оказывают влияние организованные группы (партии, движения) или государства, легитимируя себя, умножая символический капитал, форматируя, блокируя и пореформатируя память о прошлом, ведя войны памяти. История и историческая память – не совпадающие понятия и не константные величины. События прошлого живут своей рецепционной жизнью, складываясь порой у последующих поколений в причудливую картину, полную мифов и легенд. У разных наций свои главные и разновременные символы прошлых войн, как правило, это победы в отдельных сражениях, как Аустерлиц для французов, Трафальгар – для британцев, Битва народов под Лейпцигом – для немцев, Бородино – для русских.

Рецензируемая монография имеет, на первый взгляд, сложную структуру: после введения, где объясняется, какой эвристический потенциал несут в себе юбилеи грандиозных войн для исследования проблемы исторической памяти и исторической политики, следуют 5 глав, разбитых на параграфы, более половины которых также, часто по несколько раз, разбиты. Но, по сути, монография распадается на три не выделенных специально, но очевидных части.

Две первых главы посвящены методологии и национальным европейским историографиям (французской, российской, британской и немецкой) Наполеоновских и Первой мировой войн. Реперными точками избраны полувековые юбилеи, которых для Наполеоновских войн насчитывается, соответственно, 4, а для Первой мировой войны – 2. Авторы исходят из того, что именно через призму юбилеев лучше всего разглядеть вариативность сознательного, навязываемого властью, и бессознательного, спонтанного, образа прошлого. Обращаясь к работам классиков и отцов-основателей проблематики, которая насчитывает приблизительно 40 лет, – Ж. Дюби, П. Нора, Я. Ас-смана, Э. Хобсбаума, Дж. Уинтера, М. Хальбвакса, П. Хаттона, П. Рикёра, Р. Козеллека и др., – они отмечают, что она связана с культурной историей, антропологическим и лингвистическим поворотами, которые пытаются объяснить появление устойчивых структур сознания, механизмы властного воздействия на них, преодоление травм и шоков поражений, героизации побед, мемориализации былого, формирование национальных идентичностей на основе общего семиотического ряда («символический репертуар»), эмоциональную, но постепенно, с течением времени, изживаемую и утрачиваемую связь с прошлым, появление ритуальных «мест памяти», наконец, забвение.

Рассматривая национальные историографии войн, авторы, отмечают отсутствие, прежде всего, из-за недостаточной хронологической исследовательской глубины, целостной картины и выделяют, их темпоральные тренды и фокусы. Французская историография памяти о Первой империи концентрирует внимание на мифологизированной и героизируемой фигуре Наполеона и на трагических поражениях французской армии, где главное место занимают русский поход и Ватерлоо. В русской историографии особое значение имеет Отечественная война 1812 г. и периферийное – заграничный поход русской армии. Британская историография концентрирует свое внимание на образах важнейших для исторической памяти побед – Трафальгаре и Ватерлоо. В памяти немцев, полагают германские историки, борьба с Наполеоном стала Освободительной войной, героизация которой способствовала становлению германской нации и немецкого национализма.

В ходе осмысления образов Первой мировой войны историки заметили, пишут авторы, что эта войны породила современные методы массовой пропаганды и дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики. Память о войне много и продуктивно эксплуатировалась государствами и политическими силами. Отечественная послереволюционная историография Первой мировой войны отводила ей периферийное значение, сосредотачиваясь на самой революции. Война именовалась «империалистической», подчеркивался, как универсальный, ее захватнический характер со стороны все акторов. В 1930-е годы интернационалистская риторика в исторических работах сменилась на патриотическую, и война со стороны России стала именоваться оборонительной. В таком же патриотическом духе использовался образ Первой мировой войны в советской пропаганде во время Великой отечественной войны. Отечественная война почти совсем заслонила и вытеснила Первую мировую из сознания советского человека и из поля исторических исследований. Только последние десятилетия и, в особенности, столетний юбилей активизировали и актуализировали исследования о Первой мировой войне.

Французская историография, показано в монографии, активно изучает коммеморации Великой войны и эволюцию памяти о ней. Британские авторы отмечают преобладание негативного («бессмысленная война») образа войны, сформированного после ее окончания. Германские историки сосредоточены на изучении личностного восприятия жертв и героев войны, а также на конкурирующих (либеральной, левой, национал-социалистской и др.) вариантах исторической памяти.

«Вторая часть» (3 глава) книги посвящена юбилеям Наполеоновских войн. Она самая большая. Открывается глава повествованиями о французском и российском вариантах памяти, которые в книге наиболее информативные и лучше всего фундированные архивными документами. Здесь показано, как во Франции эволюционировала память о самых знаменитых сражениях – Аустерлице, Бородино, Березине, Трафальгаре, Ватерлоо. Значительные периоды преобладания прославления наполеоновской эпохи и патриотизма сменялись переносом акцентов на виктимизацию войн. Отмечается также, что в

современных условиях в наполеоновских войнах видят попытку реализации идеи единой Европы, что приводит в условиях мультикультуризма к политике отказа от торжественного празднования дат отдельных сражений, что, в свою очередь, наталкивается на сопротивление академической общественности.

В России, которая вышла победительницей из противостояния с армией «двунадесяти языков», войну воспринимали как отечественную. В памятниках мемориальной культуры и исторических работах проводилась мысль о патриотическом единении народа и самодержавия в борьбе с Западом. В знаменитом романе Л.Н. Толстого «Война и мир» война предстала не войной героев, а народной войной, успех или неудача которой заранее predetermined. Народность и провиденциализм Войны 1812 г. стали с того времени преобладать в ее образе, который лишь отчасти был поколеблен, переформатирован, во время празднования 100-летнего юбилея (1912), когда (в преддверии Первой мировой войны) активно шло складывание союзнических отношений с «травмированной» поражением Францией, и даже СССР образца середины XX в. и России начала XXI в. Корректировки такой версии войны начали осуществлять историки, начиная с 1990-х гг., и продолжают делать это до настоящего времени. Но официальные коммеморации 2012 г. «удивительным образом напомнили юбилей 100-летней давности», а власть использовала его как символический, консолидирующий общество ресурс.

Для Британии Наполеоновские войны, показано в монографии, – это, прежде всего победы у мыса Трафальгар, символа британской гегемонии на море, и, имевшего меньшее символическое значение, Ватерлоо, что отражено в композиции Трафальгарской площади, памятнике Нельсона и трех панорамах сухопутного сражения. Первоначальное восприятие побед как национальных триумфов, хотя и корректировалось под воздействием разных обстоятельств, в основных своих частях остается неизменным.

Для немцев, и до объединения Германии, и после, война с Наполеоном воспринималась как освободительная, главным событием которой и символом борьбы стала Битва народов под Лейпцигом (1813), превратившаяся в «братский праздник немецкой нации», ее единства, в одну из центральных скреп империи. От патриотического заряда и общего в основном ритуала празднование во времена Второго рейха ничего не осталось к началу XXI в., что объясняется разительными трансформациями, которые пережила Германия после поражения во Второй мировой войне и отсутствием единого для ФРГ министерства культуры. И хотя германские земли праздновали юбилей по своим сценариям, но у них был общий пафос – «мирное сотрудничество в Европе».

«Третья часть» (4 и 5 главы) повествует об образе Первой мировой войны в XX – начале XXI в. и об исторической политике. В описываемых европейских странах, за исключением СССР, память о войне была меморизирована в официальных празднествах. Для Советской России Первая мировая война изначально имела периферийное значение. Ее не предали забвению, но предпочитали видеть в ней своеобразный разогрев ситуации, который привел к судьбоносному октябрьскому перевороту, в тени которого Великая война

либо оставалась, либо она почти совсем вытеснялась из памяти, как произошло в первые десятилетия после Великой Отечественной войны. Память непосредственных участников войны была поставлена под политический контроль. Компартия и Коминтерн использовали юбилеи «империалистической» войны для антивоенной пропаганды в СССР и Европе. Тема Первой мировой войны использовалась для легитимации большевистского режима и подготовки населения к новой войне. Накануне и в период Великой Отечественной войны Первая мировая война, как война между Германией и Россией, из империалистической превратилась в оборонительную, а ее героические эпизоды (Брусиловский прорыв, прежде всего) использовались для укрепления патриотизма. Реабилитация дореволюционного прошлого началась во второй половине 1980-х гг. Следствием ее оказалась идеализация дореволюционного прошлого России, что стало приводить к изъятию очевидной связи между войной и последующей революцией. Различные общественные силы и организации актуализировали почти исключительно героическую войну, что не способствовало складыванию ее единого образа. 100-летний юбилей войны властные элиты России активно использовали для легитимации сложившегося политического порядка, эксплуатируя тему «единства народа и государства».

Отношение к войне, в которой Германия потерпела тяжелое поражение, в Веймарской республике, охарактеризовано в книге как «борьба за память» и «время произвольных воспоминаний», поскольку одни политические силы и ветеранские организации, преодолевая травму, героизировали войну, создавали мифологему о несломленном, твердо выполняющем долг немецком солдате, тогда как другие, как в знаменитом романе Ремарка, видели в прошлой войне катастрофу, сломавшую жизнь целого поколения. В Третьем рейхе героика войны стала единственным нарративом, легитимирующим режим и обосновывающим национализм. В послевоенной ФРГ политика памяти претерпела качественную трансформацию от признания прежних ценностей воинских традиций долга и стойкости до разрыва с ними (как милитаристскими) и культивирования идеи примирения и согласия между народами.

Победившая в Первой мировой войне Британия пошла по пути меморизации памяти о ней, что, по мнению правящей элиты, написано в монографии, должно было «стимулировать национальное сплочение, классовый мир, <...> легитимировать и защищать существующий общественный порядок». Апофеозом по воздействию на граждан стало одновременное проведение по всей стране в учрежденный День примирения 2-минутного ритуала молчания и создание Могилы Неизвестного Солдата, которые должны были утвердить британцев, несмотря на артикулированную часто точку зрения о бессмысленности этой войны, что жертвы и лишения были не напрасны. После Второй мировой войны, почёркнуто в монографии, официальный нарратив памяти оказался сконцентрирован не вокруг идеи Триумфа и Победы, а вокруг «концептов долга, службы стране, потерь и горя рядовых солдат и граждан». В то же время в обществе вырос интерес к разнообразному жизненному опыту войны, следствием которого стала коррекция уже традиционных способов коммерции.

В победившей в Великой войне Франции в межвоенный период доминировал пацифизм и траурные настроения («трагический нарратив ветеранов и левых»), и одновременно Победа в ней стала непреходящим символом торжества над противником («героический нарратив»), что позволило памяти о войне объединить поколения на основе героического пафоса. После Второй мировой войны Великая война во Франции отступила в тень, но уже с конца 1950-х она начинает возвращаться в общественное пространство. Национальные движения во французских колониях актуализировали «героические» страницы войны на заморских территориях. К концу 1960-х гг. формируется тройная картина войны: как символа победы и единства нации, как символа скорби и общеевропейский утраты и как символа мужества, союзнического долга и идеи мира. В последние 50 лет в памяти о Великой войне на первый план выходит идея национального, европейского согласия и евроинтеграции.

Юбилейные мероприятия – это не только воспоминание былых побед и поражений, припадание к отеческим гробам и демонстрация любви к родному пепелищу, но это и, отмечено в книге, сопровождающая их коммерциализация прошлого, туристские индустрии и реклама. Причем собранные в результате средства могут зачастую направляться на помощь тем же ветеранам, как это происходит, например, в Британии с продажей символизирующих жертв Первой мировой войны красных маков.

Подводя итоги, можно сказать, что авторам монографии удалось реконструировать структуру исторической памяти и отчасти ее иерархию, показать как более близкое (Первая мировая война) и совсем давнее (Наполеоновские войны) прошлое становились новым прошлым. Книга демонстрирует, что память имеет свои опорные точки, несущие (насуточные, м.б.) «места», которыми, как правило, являются победы и поражения, и апелляция к которым происходит с большей или меньшей степенью интенсивности постоянно, а мобилизация – в годы круглых дат, юбилеев (коммеморации) и в «минуты роковые». Наконец, из книги становится ясно, что именно после первой мировой войны появляются общенациональные минуты молчания, грандиозные мемориалы памяти, Вечный огонь, Могилы Неизвестного Солдата, национальные Дни народной скорби, Дни памяти, Дни памяти героев, Дни примирения, или их аналоги – известные и привычные сегодня ритуалы и формы мемориализации прошлого.

Информация об авторах:

Кондратьев Сергей Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета

Кондратьева Тамара Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета

Information about the authors:

Kondratiev Sergey Vitalievich – Dr. Hab. (History), Professor Department of Modern History and World Policy Tyumen State University

Kondratieva Tamara Nikolaevna – PhD (History), Associated Professor Department of Document Management and Document Supporting of Administration, Tyumen State University